

История о том, как оперный бас-баритон ходил с бабулями по клубнику на Гремячую гриву

Во все времена года хороша Гремячая грива, а уж летом особенно желанными становятся её склоны, что тянутся вдоль скалистого берега сибирской реки, поднимаясь над её лесистыми террасами почти к самым облакам.

В середине июля в тенистых ложбинах цветёт девясил: под ажурными арками сосен и берёз он буквально сражается за каждый солнечный луч и поворачивает жёлтые созвездья ничуть не хуже подсолнуха, даже внешне напоминая его. На зелёном мундире разнотравья, сотканном из опахал нескончаемых зарослей папоротника, появляются эти яркие ордена — наградное золото, его здесь набирается на целые поляны. Видать, есть заслуги у леса перед Сибирью-матушкой, и немалые!

Девясил — это и предвестник ягодной поры. Раскрылась его бахрома — можно брать с собой солидную ёмкость и забираться на южные склоны Гремячей гривы...

Отпускной бас-баритон Тюльпанов, славно солирующей в опере в свои неполные пятьдесят, собирает клубнику, ползает на склонах с кружкой, зарывшись чуть ли не с головой в траву. Длинные локоны собраны у него в хвостик: ни дать ни взять — человек высокого искусства. А вспоминает об оперном амплуа — и разгибает согбенную спину: можно спуститься вниз и высыпать урожай в пластиковое ведро. Он, мужчина видный и всегда увлекающийся дамами, движется плавно, выпрямившись в полный рост, которым Бог его тоже не обидел, и напевает:

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить —
С нашим атаманом не приходится тужить...

Полдненное солнце, могучие сосны, обступившие по бокам луговину, ягодные россыпи под ногами — всё сегодня для Тюльпанова хорошо. Клубники так много, что она хрустит сначала под пальцами, когда они проворно отрывают от стебля краплёные фонарики аппетитной мякоти, а потом ещё звонко хрупают и под ногами, приминающими излишки осоки и пырея, тонкие банники тимофеевки и лиловые кувшинки бодяка — запах раздавленных спелых ягод разносится окрест. Он настолько сильный, что перебивает все остальные, и никакие медоносы не могут соперничать с клубникой: куда им до неё! Кажется, и слепней привлекает совсем не пот, а сладкий дурман, что исходит из пластика, куда всё носит очередную добавку старательный ягодник в обществе двух молодежавых бабуль. Из травы торчат белые панамы, их сборщицы натянули по самые уши. Смотреть издали — выросли прямо перед сопкой гигантские дождевики.

Ягодницы — это сёстры, соседки Тюльпанова, уговорившие его составить им компанию, но они совсем ему не интересны, да и клубника артисту не нужна, он собирает её от широты душевной и всё отдаст бабулям, у которых и дети, и внуки — всем лакомое варенье подавай.

«Пенсионное кредо: соленья, маринады, варенья. Неужели и меня втянет в эту круговерть? — рассуждает Тюльпанов. — Вот уж нет, не дождётесь, не подпишете вы меня на эту галеру! Бегом, бегом от рутины! Мозгу нужны только свежие впечатления, в противном случае неизбежно следует старческое слабоумие».

Театр оперы и балета в полной мере отвечает запросам Тюльпанова: раз в году труппа отправляется на гастроли, где заявляет о себе новыми постановками, а в последнее время начинает готовиться и к премьерному показу оперы «Ной»...

По тропинке, круто уводящей на лысую сопку, двигаются две загорелые особы в топиках и шортах, и вот уже простецкая казачья песня, поскольку она вряд ли к месту, не устраивает Тюльпанова. Тут нужна серенада влюблённого и полного энергии пертского кузнеца, чтобы можно было её огласить во всю богатырскую силушку:

На призыв мой, нежный и страстный,
О друг мой прекрасный,

Выйди на балкон.

Как красив свод неба атласный...

Небо, вытертое начисто, до последнего облачка, до какого-либо его подобия, — это и есть она, голубая высь, в направлении которой теперь шумно машет крыльями потревоженный коршун. Огромная птица срывается с отдалённой сосны, которую однажды уже облюбовала молния и угодила прямо в ствол, очернив его у самой земли, превратив нижние ветви в сухостой. Никто здесь уединения птицы не нарушал, никому она не бросалась в глаза, и хищник даже не помышлял приниматься за работу в самый жар. А ведь пришлось.

Окажись на его месте чёрный ворон, не терпящий над собой подобных штучек, несдобровать было бы Тюльпанову: истошный грай мог бы ещё долго сопровождать оперного певца. Коршун прощает — ему не до того.

— Дамы, у меня антракт! Я вхожу в сценический образ и поднимаюсь вон за той птицей...

— Что вы, Олег Иванович! Это же страшно высоко!

Беспокойство Анны Никаноровны, которая даже с возрастом не растеряла детскую непосредственность, понять можно: из процесса выпадает добровольный раб, и не совсем ясно, на какой именно срок.

— Искусство, милые дамы, требует риска. Надо будет — я прыгну с парашютом. Только чтобы мой голос на сцене потом не пускал «петуха»...

Гламурные шорты и топики с интересом разглядывают артиста: не каждый раз Гремячая грива вживую оглашается оперным пением.

— Присоединяйтесь к нам! — игриво зазывают они.

В ответ на это предложение у подножия сопки звучит ария Хозе, опьянённого страстью к роковой красотке Кармен:

Хочется порой
рискнуть головой!
Так настроен я,
драгун из Алкаля!

— Вот какая нынче у нас востребована клубничка! — замечает Нора Никаноровна, и, конечно, с осуждением. — Смотрите, Олег Иванович, а то ведь Ной в ковчег спасения не возьмёт...

— Любезная Нора Никаноровна! Ной не таксист, он всех желающих в свою «тачку» не впихнёт, даже за деньги, — вот в чём фишка.

Впрочем, Нору Никаноровну, даму прагматичную, сам библейский Ной не очень-то занимает. Она мечтает сосватать Тюльпанова за дочурку Дашеньку, резонно полагая, что такому мужчине нужны не цветы и поклонницы, но семья, причём в первую очередь. Предложить артисту пойти на Гремячую гриву по клубнику — это, собственно, её хитрый план: на природе, в непринуждённой обстановке, можно прощупать деликатную тему. На долю вдовствующей Дашеньки останется только снять клубничные сливки — трепетно вынести на сцену цветы в грядущей премьерной опере «Ной». Но, судя по всему, у Норы Никаноровны обозначаются некоторые осложнения...

Подружки-сороходы взбираются в гору налегке и безжалостно ковыряют тренировочными палками исхоженный, пропылённый чернозём, где начинаются мелкие, подобно разбитым кускам черепицы, остаточные породы былого катаклизма. Древнему человеку, облачённому в звериные шкуры, было из чего выбирать материал для орудий труда — всё валялось под ногами. Впрочем, это уже явно из другой «оперы», предлагающей иную картину мира. Бас-баритон её отвергает: это так далеко от программных арий принятого к постановке «Ноя»!

Тюльпанову приходится тщательно выверять каждый шаг: того и гляди, нечаянно оступишься. Позади только первый ярус, а впереди ещё два, тогда как топики и шорты уже приближаются к вершине. Точнее сказать, к бывшему кратеру, снабдившему скальный массив таким количеством красных камушков, что этого добра хватит до окончания всех сроков, отмеренных нам вплоть до Судного дня.

Солиста подмывает взглянуть, что же осталось там, за спиной, но если любоваться панорамой, экстремалок будет не догнать.

— Смотри не повторяй греха жены Лотовой, не оглядывайся назад! — подгоняет себя бас-баритон и переводит дух.

Следует последний рывок, и Тюльпанов победно восклицает с высоты:

— Мать моя сцена, красота-то какая! Ты прав, Велимир: «Саян здесь катит вал за валом... И время онемело». Вот где нужно репетировать «Ноя»!

Обдуваемый лёгким ветром, он возлежит на прогретой земле, и она кажется ему, разгорячённому безостановочным восхождением, милой деревенской печкой, которую недавно истопили и на её лежанку, как в ребячестве, приятно взгромоздиться и просто, ничего не делая, поваляться и помечтать. Детство — время самых смелых мечтаний, это потом они обретают форму утраченных надежд.

Бас-баритон тут же забывает, зачем он, собственно, сюда поднимался, — поклонниц стремительных подъёмов, знающих на Гремячей гриве каждую тропу, уже и след простыл. С плоской вершины маленького плато, где притулилась на краю пара-другая одиноких берёзок, несостоявшиеся спутницы оперного артиста исчезли с быстротой юрких ящериц. Зато парит теперь над просторами потревоженный им коршун, и Тюльпанов с удивлением замечает, что полёт птицы пролегает значительно ниже, это уже другой воздушный эшелон, тогда как в верхнем ярусе — только он один. Солнце золотит распротёртые крылья и бархатисто-бежевую спину коршуна (пёрышко к пёрышку, как влитые!) — никогда ещё не было так, чтобы бас-баритон становился выше птицы, а она находилась при этом тоже в воздухе и так близко.

Это пустяковое, казалось бы, наблюдение разжигает воображение Тюльпанова, ему хочется делать такие же открытия ещё и ещё. И вот уже он замечает, что хребты гор по ту сторону реки точно соревнуются между собой, у кого из них лучше получится зеркальное отражение на воде, где эффектнее раздвинут плотную крону тайги сиенитовые останцы и заявят о себе как о наиболее мощном горном подняттии, чем тоже можно будет гордиться. А сама сурово-величавая река, русло которой делят два узких острова, как будто приготовила в большое плавание эти длинные нерукотворные струги, кучно покрытые зеленеющей тополиной листвой; это сейчас они бросили якорь прямо в фарватере — придёт время, и все вместе отправятся к Студёному океану-морю, куда однажды возьмёт да и придёт вселенское тепло...

И станет Сибирь землёй обетованной, новой родиной человечества; но будет ли к тому назначенному времени «Ч» плавать в ковчеге спасения Ной — это и для Тюльпанова большой вопрос. Конечно, хотелось бы, ведь нужно

брат в сибирский центр мира только тех, кому здесь и сейчас тяжелее всего. Это будет единственно справедливый подход, хотя и идущий против Дарвина и его видового отбора, вразрез с предпочтительным отношением к лучшим из лучших, утвердившимся в человеческом обществе, но разве станет по такому случаю возражать Ной?

Конечно, это был его, Тюльпанова, день. Великое в природе заслонило собой малое, суетное, которое по-прежнему жило своей жизнью, копошилось в густой траве где-то там, внизу, напомидало о себе и мечтало осчастливить вдовствующую дочурку Дашеньку законным браком с провинциальным артистом театра оперы и балета.

А сверху ликовали порхающие бабочки и мотыльки, как будто у них объявили показ разноцветных нарядов, перебивчиво солировали в собственных оркестровых ямах бравые ребята — подпрыгивающие, преисполненные летней радости зелёные кузнечики, и среди этой привычной музыки крутых сибирских склонов Тюльпанову явственно слышалась ария Ноя:

«Но... Я счастлив. Я счастлив, что свежий ветер зари долетает до меня... Мой Бог, тот ветер подобен привету, пересёкшему золотой порог небес, летя от дальних земель за горами, за облаками, за рассветом, за морем бессмертия, породившим нас».

Уже покидая Гремячую гриву, бас-баритон увидел, как на кромке соснового бора, где пошли маслята и появились первые грибки, резвилась троица прикормленных белок, три безостановочно крутящихся живых колеса. Одна из них отчего-то так и не поменяла тёмно-серую зимнюю шубку. Может, просто из зависти нападала она на рыжих сородичей, без вины виноватых в её системном сбое, а тем ничего не оставалось, как убежать от жестокого преследования.

Зверьки лихо гонялись друг за другом и по земле, и по деревьям и так стремительно порхали по шершавой коре вверх и вниз, что бас-баритон оцепенел в изумлении. Если нам суждено вновь пережить Всемирный потоп, пару шустрых белочек тоже не мешало бы взять в ковчег спасения, а третья по причине неуёмных страстей пусть подождёт.

Как думаешь, прародитель Ной?